

СОВЕТСКАЯ ЭТНОГРАФИЯ

1

1972

Н. Турсунов

ИЗ ИСТОРИИ РЕМЕСЛЕННЫХ ЦЕХОВ СРЕДНЕЙ АЗИИ

(НА МАТЕРИАЛАХ ТКАЦКИХ ПРОМЫСЛОВ
ХОДЖЕНТА КОНЦА XIX — НАЧАЛА XX в.)

Изучение ремесленных цехов Средней Азии, их трансформации в различные периоды феодализма имеет большое значение не только для освещения социальной истории ее народов, понимания внутренней жизни среднеазиатских феодальных городов; оно, по справедливому замечанию Е. М. Пещеревой, может также дать материалы, проливающие свет на ранние стадии сложения цехов в Западной Европе¹.

Наличие в Средней Азии ремесленных цехов отмечали русские исследователи XIX — начала XX в.: А. Ф. Миддендорф, Н. Ф. Петровский, В. П. Наливкин, Н. С. Лыкошин, М. Ф. Гаврилов, М. В. Никулин. Однако их интересовали главным образом *рисола* — своеобразные цеховые статуты, поэтому в своих работах они не касались вопросов о происхождении, внутреннем устройстве и сущности среднеазиатских ремесленных цехов.

Эти вопросы были поставлены только в советское время. В статье М. С. Андреева сделана попытка показать процесс образования среднеазиатских цехов и их *рисола*². Видный советский востоковед А. Ю. Якубовский еще в начале 30-х годов, основываясь на сведениях письменных источников, отметил наличие в X в. в Средней Азии цеховых организаций ремесленников. По его словам, в XII—XIII вв. цехи «были фактом, который в общественной жизни городов играл крупную роль... в XIV в. они выступают столь зрелыми организациями, что не может быть сомнения в том, что их корни уходят во времена значительно более ранние»³.

В 1940 г. А. М. Беленицкий, изучая казийские документы XV—XVI вв., высказал мнение об отсутствии в среднеазиатских цехах фигуры подмастерья, характерной для цехов Западной Европы⁴. В другой

¹ Е. М. Пещерева, Гончарное производство Средней Азии, «Труды Ин-та этнографии АН СССР», нов. серия, т. XLII, М.—Л., 1959, стр. 378.

² М. С. Андреев, По поводу процесса образования примитивных среднеазиатских древних цехов и цеховых сказаний (*рисола*), «Этнография», 1927, № 2, стр. 323—326.

³ А. Ю. Якубовский, Феодальное общество Средней Азии и его торговля с Восточной Европой в X—XV вв., в кн. «Материалы по истории Узбекской, Таджикской и Туркменской ССР», вып. 3, ч. 1, М.—Л., 1932, стр. 32, 33.

⁴ А. М. Беленицкий, Организация ремесла в Самарканде в XV—XVI вв., «Краткие сообщения Ин-та истории материальной культуры», 1940, вып. VI, М.—Л.

работе А. М. Беленицкого описаны некоторые события из жизни ремесленных цехов Средней Азии XIV—XV вв.⁵

Изучением ремесленных цехов Средней Азии занимается Е. М. Пещерова, автор ряда работ, в которых прослеживается изменение структуры ремесленных цехов от их примитивных форм до развитых городских организаций, выясняется цеховая иерархия, описываются их обряды и правила, а также исследуется генезис цехов. По мнению Е. М. Пещеровой, ремесленные организации Средней Азии, лишь в известной степени обнаруживающие черты сходства с западноевропейскими цехами, представляют собой раннюю ступень развития цеховой организации⁶.

Организация ремесла горных таджиков описана в работах Н. Н. Ершова⁷. Некоторые сведения об устройстве цехов хорезмских ремесленников, о правах и обязанностях их членов имеются в статье И. Джаббарова⁸.

Внутреннее устройство, правила и обряды ремесленных цехов Средней Азии освещены и в трудах О. А. Сухаревой⁹. Изменение структуры и характера ремесленных цехов автор связывает с развитием производительных сил и производственных отношений. По мнению О. А. Сухаревой, для раннего этапа развития феодальной промышленности был характерен цех с двучленной системой производственных отношений (мастер — ученик), а позднее, с развитием товарно-денежных отношений и расширением рынка, зародился цех с более прогрессивной трехчленной системой: мастер-хозяин (*устокор*), наемный мастер (*халифа*) и ученик (*шогирд*). По ее словам, «появление трехчленной системы... означало рост социальной дифференциации ремесленников»¹⁰.

Таким образом, среднеазиатские цехи изучались многими авторами. Однако для полного раскрытия вопроса о происхождении и сущности среднеазиатских ремесленных цехов, об их роли в жизни феодальных городов необходимо иметь характеристику ремесленных корпораций различных городских центров, поскольку в развитии ремесленных цехов разных городов Средней Азии конца XIX — начала XX в. были значительные различия, обусловленные спецификой хозяйства, быта и культуры этих народов.

В настоящей статье на основе этнографических материалов делается попытка кратко охарактеризовать организацию и функции ремеслен-

⁵ А. М. Беленицкий, Из истории участия городских ремесленников в городских празднествах в Средней Азии в XIV—XV вв., «Труды отдела Востока Гос. Эрмитажа», т. 2, Л., 1940.

⁶ См. работы Е. М. Пещеровой: 1) «Из истории цеховых организаций в Средней Азии», «Краткие сообщения Ин-та этнографии АН СССР», вып. VI, 1949, стр. 34—36; 2) «Цех гончаров у народов Средней Азии в конце XIX — начале XX в.», «Краткие сообщения Ин-та этнографии АН СССР», вып. XXIV, 1957, стр. 37—39; 3) «Гончарное производство Средней Азии...», стр. 311—372; 4) «О ремесленных организациях Средней Азии в конце XIX — начале XX в.», «Краткие сообщения Ин-та этнографии АН СССР», вып. XXXIII, М.—Л., 1960, стр. 39—46; 5) «Ремесленные организации Средней Азии в конце XIX — начале XX в.», «XXV Международный конгресс востоковедов. Доклады делегации СССР», М., 1960, стр. 1—10.

⁷ См. работы Н. Н. Ершова: 1) «Ремесла таджиков Дарваза», «Изв. Отд. общ. наук АН ТаджССР», вып. 10—11, 1956; 2) «Ремесла таджиков Каратегина и Дарваза», «Изв. отд. общ. наук АН ТаджССР», вып. 1(36), 1964; 3) «Домашние промыслы и ремесла», в кн. «Таджики Каратегина и Дарваза», вып. 1, Душанбе, 1966, стр. 195—290.

⁸ И. Джаббаров, Об ученичестве в ремесленных цехах Средней Азии в конце XIX — начале XX вв. (По материалам Хорезма), «Материалы Второго совещания археологов и этнографов Средней Азии», М.—Л., 1959, стр. 81—84.

⁹ См. написанные О. А. Сухаревой разделы в сводных трудах: «История народов Узбекистана», т. 2, Ташкент, 1947, стр. 148, 149, 285; «История Узбекской ССР», т. II, Ташкент, 1968, стр. 182, 183; «Позднефеодальный город Бухара конца XIX — начала XX века. Ремесленная промышленность», Ташкент, 1962, стр. 76, 79, 84—85, 158—181.

¹⁰ О. А. Сухарева, Позднефеодальный город Бухара конца XIX — начала XX века, стр. 163.

ных цехов текстильщиков Ходжента конца XIX — начала XX в., имевших развитую организационную структуру, достигшую мануфактурной стадии¹¹ развития.

В Ходженте, как и в других городах Средней Азии, организации, объединявшие ремесленников одной специальности, назывались *касаба*. Этот термин наши исследователи переводят как цех¹².

Ремесленные цехи Ходжента в конце XIX — начале XX в., как и раньше, объединяли наемных мастеров — халифа, самостоятельных ремесленников — хозяев, владельцев крупных мастерских — устокор и, наконец, учеников, которые были низшей ступенью в цеховой иерархии. Ученики по своему положению в цехах делились на две категории: *устозода* — привилегированные ученики из семей потомственных мастеров, которым для принятия в члены цеха требовалась лишь разрешительная молитва (*фотиха*) мастера-учителя, и *шогирд* — ученик со стороны. Последнему, чтобы стать членом цеха, нужно было пройти обряд посвящения в мастера — *камарбаста*, связанный с устройством угощения.

Духовным главой членов каждого цеха и учеников был старшина, называвшийся в Ходженте *оқсақоли касаба*. В его функции входило решение всех споров, возникавших между халифа и устокором, обеспечение халифа работой и посредничество при выдаче ему ссуды — *бунака*, руководство в проведении цеховых обрядов (в частности — посвящения ученика в мастера), собраний, пиршеств. С участием аксакала цеха проходили многие события в жизни членов цеха: свадьба, траурные церемонии, приобретение или продажа дома и др.

Старшина цеха был блюстителем и пропагандистом цехового культа. Он и его помощники в течение года несколько раз поочередно посещали мастерские членов корпорации. Приходя в мастерскую, они читали стихи из Корана, посвящая их духам старцев — покровителей соответствующих отраслей ремесла — и усопших мастеров, спрашивали хозяина о его делах. Хозяин мастерской обязательно преподносил им подарок — отрез ткани или деньги.

В торговом центре Ходжента — базаре Панджшанбе, где были ряды текстильщиков, постоянно находились помощники старшин — базарные старосты (*бозор-оксакол*) каждой цеховой корпорации. Они следили за правильностью продажи и покупки текстильных изделий, качеством товаров, участвовали в сделках между мастерами и скупщиками. Их присутственное место (*оқсақолхона*) находилось в караван-сараях Бобо Рахим-аксакала.

У аксакалов цеха были и другие помощники (*поякор*), исполнявшие различные поручения старшины и цехового собрания.

Должности старшины цеха и его помощников были выборными. Определенного срока пребывания в должности не было. Некоторые старшины оставались на ней 9—10 и больше лет, другие быстро сменялись. Причины этого были разные, но чаще всего — небросовестное отношение аксакала к своим обязанностям, защита им интересов одной из групп ремесленников и пренебрежение интересами остальных.

¹¹ Нашими информаторами о ремесленных корпорациях текстильщиков Ходжента были старейший шелкомотальщик и ткач Кори Сулаймон Сиддиков (1882 г. рожд.), мастер — вязчик гребней Турсунбой Осимов (1893 г. рожд.), крутильщик Усмонбой Муллоев (1885 г. рожд.), красильщик Эргаш Олимов (1892 г. рожд.), ткач Рахматулло Рустамов (1884—1968 гг.), ткач Машариф Убайдов (1892—1968 гг.), ткач Ризохон Аминов (1887 г. рожд.), сапожник Иулбарсбой Касымов (1883 г. рожд.), лошильщик Миррахим Шамсиев (1896 г. рожд.), ткач Абдунаби Сабиров (1900 г. рожд.).

¹² По Е. М. Пещеревой, термин *касаба* происходит от арабского корня, означающего «приобретать, добывать, зарабатывать, получать выгоду» (см. Е. М. Пещерова, Гончарное производство Средней Азии..., стр. 311). Хорезмские ремесленники цех называли *улатгар* (см. И. Джабаров, Указ. раб., стр. 81). В Закавказье цех называли *амкар* (см. Б. А. Рыбаков, Ремесло Древней Руси, М., 1948, стр. 740).

На должность аксакала цеха избирали обычно наиболее авторитетных людей, хозяев мастерских, имевших организаторские способности и хорошо знающих ремесло.

Так, одним из самых популярных старшин цеха ткачей считался в свое время Джамолхон-тюра. Он был аксакалом ремесленного цеха одной из двух частей Ходжента — части Калъаи нав и селений Пули чукур, Румон и Шайх-Бурхон. Джамолхон исполнял эту должность около 30 лет и все время пользовался большим авторитетом среди ремесленников. Поэтому после подавления восстания 4 июля 1916 г. в Ходженте колониальные власти города, учтя большую популярность Джамолхона, сочли нужным назначить его тысяцким в рабочие отряды, призванные на тыловые работы на Восточный фронт. Джамолхон-тюра скончался в начале 20-х годов и до самой смерти был аксакалом ремесленников, обрабатывавших волокно. Затем вместо него был избран ткач усто Машокир из квартала Сари баланди. В мастерской Машокира работали 4 халифа, кроме того, у него было несколько надомников. Помощником Джамолхона несколько лет был Маллаходжа-поякор из квартала Хотун-масчид, по профессии ткач канауса. Базарными старостами корпорации текстильщиков Калаинавской части, селений Пули чукур, Румон и Шайх-Бурхон были Сангин-оксакол (из селения Пули чукур) и Сиддикходжа. Известным старшиной корпорации ремесленников текстильщиков Раззакской части и селения Ява был Сулаймон-махсум.

Выборы новой цеховой администрации — старшины, базарного аксакала и помощника старшины (*оксакол-сайлов*) проводились на собрании всех членов цеха, обычно в субботу или в воскресенье. Постоянным местом выборов цеховой администрации был большой каравансарай Шохи в торговом центре Панджшанбе. В нем могло поместиться до 700 человек. В день выборов собирались ремесленники из всех мастерских района, устокоры, скупщики-предприниматели. Большой двор каравансарая заполнялся выборщиками да отказа. Ходом выборов руководил кто-либо из почтенных людей цеха. Он объявлял о выборах нового аксакала и указывал какую-нибудь причину смещения старого. Обычно он говорил, что прежний аксакал по старости, по болезни или по другим причинам не может выполнять эту должность и просил членов цеха дать ему «отпущение» (*розиги металабид*). Затем один из авторитетных членов цеха, обычно устокор или пожилой халифа, выдвигал заранее согласованные в среде самых влиятельных и богатых мастеров кандидатуры нескольких людей. После этого участники собрания избирали одного из них. Так же переизбирали базарного старосту и помощника старшины (*поякор*).

После завершения выборов в честь новой цеховой администрации устраивалось угощение с поминанием патрона ремесла (*зиёфати арвоҳи нир*). В нем участвовали представители всех мастерских Ходжента и пригородных селений (обычно около 150—200 человек). В конце угощения читали молитву в честь патрона ремесла, затем преподносили вновь выбранной цеховой администрации халаты с чалмами¹³.

Старшина корпорации ремесленников занимал двойственное положение по отношению к различным прослойкам внутри корпорации. Как мы отметили выше, аксакалы были часто сами владельцами мастерских. Во время проведения различных цеховых собраний и обрядов они постоянно наставляли рядовых членов корпорации — халифа и учеников, чтобы они честно и добросовестно трудились в мастерской хозяи-

¹³ О. А. Сухарева в своей монографии о Бухаре описала столкновение между халифа и устокорами во время выборов нового старшины цеха. См. О. А. Сухарева, Позднефеодальный город Бухара конца XIX — начала XX в., стр. 96. Наши информаторы не помнят, чтобы при избрании цеховой администрации возникали ссоры между группами ремесленников или между халифа и устокорами.

на, не дерзили устокуру, уважали его и не забывали его хлеб-соль. Конечною целью этих наставлений было внедрение идеи покорности в сознании халифа. Поэтому старшина фактически выступал как выразитель интересов хозяев-устокоров, эксплуатировавших труд халифа и учеников.

Но, с другой стороны, старшина, поддерживаемый состоятельной верхушкой корпорации, согласно требованиям цеховой этики, должен был защищать и интересы наемных мастеров, поддерживать их требования, а иногда даже объявлять устокуру общественный выговор (*хайфи ту*) и считать его нарушителем правил (*беқойда*). Наемные мастера-халифа рассматривали старшину цеха прежде всего как защитника их интересов (*оксакол — оксаколи девонабачаҳо*). О. А. Сухарева отмечает, что «главной задачей цехового старшины было именно поддержание мирных отношений между различными прослойками ремесленников, имевших противоположные интересы»¹⁴. Таким образом, вся деятельность старшины цеха — главы своеобразной производственной общины — была направлена на смягчение классового антагонизма и установление патриархального спокойствия среди ремесленников.

Цех осуществлял руководство ремесленниками через цеховые собрания (*анчумани касаб*а), которые были важным звеном в пропаганде цеховых правил и культов. На них старшина цеха обязательно читал фрагменты из цехового сказания, комментировал их и использовал для соответствующих поучений. Члены цеха должны были участвовать своими взносами в устройстве обрядовых угощений в честь патрона ремесла — *арвоҳи пир*, в праздниках, а также в выборах цеховой администрации. Цеховые собрания созывались два-три раза в течение года и проводились летом. Они заканчивались обычно общей трапезой: подавали фрукты, суп, плов. Местом собрания членов цеха части Калъаи нав были сады в местности Беди катор, расположенной к югу от города, или в местности Сумчак, на правом берегу Сырдарьи. Члены цеха части Раззока обычно проводили свои собрания в садах местности Ровут, входящей в с. Унджи.

На анджуманах обсуждались некоторые экономические вопросы: определялась цена товаров, сбываемых цехом, изыскивались пути борьбы против повышения цен на сырье. Здесь же решались вопросы, связанные с цеховой этикой: объявлялось порицание нарушителям правил, приговор устокурам или халифам, совершившим проступок против цеховых установлений.

Ремесленные цехи Средней Азии конца XIX — начала XX в., наподобие русских и западноевропейских, имели общие правила, соблюдение которых требовалось от каждого члена. Все члены цеха должны были изготавливать изделия нормированного качества. Так, для каждого вида ткани устанавливались ее ширина и количество нитей в основе¹⁵. Уменьшение или увеличение числа нитей основы, изменявшее плотность ткани, считалось нарушением цеховых правил. Ремесленник был обязан реализовать свои товары в назначенном для каждого цеха торговом ряду, продавать их по установленным цехом ценам. Наш информатор, старый лоцильщик Мирхаким Шамсиев (1896 г. рождения), рассказывает, что если кто-либо из мастеров-лоцильщиков брал за отбивку двух парных кусков ткани 40 копеек вместо установленной цехом цены 50 копеек, то в первый раз староста объявлял ему выговор (*хайфи ту*), а при втором нарушении расценки закрывал его мастерскую и запрещал ему работать. Наш материал не подтверждает мнение

¹⁴ О. А. Сухарева, Позднефеодальный город Бухара конца XIX — начала XX в., стр. 166.

¹⁵ Нормирование количества нитей основы всех материй у ремесленников Дарваза и Каратегина отмечено Н. Н. Ершовым. См. Н. Н. Ершов, Домашние промыслы и ремесла, стр. 226.

М. Ф. Гаврилова, что среднеазиатским цехам были чужды «...те внутренние порядки западных средневековых организаций, которые заключались в стремлении нормировать и ввести однообразные закупки сырья, создать одновременное и однородное продолжение продукта производства...»¹⁶. Это мнение М. Ф. Гаврилова, по всей видимости, основывается на анализе содержания среднеазиатских цеховых уставов (рисола). В них действительно не получили отражения экономические и производственные правила цехов. Наш материал, собранный у старых ремесленников Ходжента, которые на личном опыте знали, как осуществлялись внутренние правила цеха, говорят о том, что нормирование имело место и в цехах Средней Азии, в частности Ходжента.

Цехи текстильщиков Ходжента имели общественную собственность — общие здания. Например, корпорации ходжентских лоцильщиков принадлежал караван-сарай (*сарайи кудунгаро*), где концентрировались лоцильные мастерские, бывшие одновременно местом и производства и сбыта изделий. Можно думать, что и караван-сарай Шохи и Бобо Рахим-аксакала, в которых была сосредоточена вся торговля шелком, шелковыми и прочими текстильными изделиями и где проходили некоторые цеховые мероприятия, раньше тоже были общественными торговыми домами цеха.

Общение между членами одного цеха имело различные формы: все члены цеха должны были принимать участие в семейных обрядах друг друга (особенно если они жили в одном квартале), а также оказывали взаимопомощь в производстве. Так, например, в Ходжете была известна соседская взаимопомощь ткачей-одинок (алзов), выражавшаяся в совместном исполнении операций по подготовке основы для тканья, которые не мог выполнить один человек. Как известно, подобная товарищеская взаимопомощь и кооперирование труда под названием *алзов* практиковались и в сельском хозяйстве¹⁷. В ремесле этот институт до сих пор не был отмечен.

Кроме того, жители кварталов зимой обычно объединялись в небольшие возрастные группы и еженедельно устраивали совместные угощения — *ганхури*. Так как в Ходжете многие кварталы населяли ремесленники, участниками этих угощений нередко были члены одного цеха.

В течение всего средневековья происходила трансформация ремесленных цехов, их внутренней жизни и социальной структуры. В конце XIX — начале XX в. наблюдается дальнейшее развитие социальной структуры ремесленных корпораций. Об этом свидетельствует появление в ремесленных цехах текстильного производства Ходжента новой фигуры — *нимкор*. Это был ученик, полностью обученный ремеслу, но еще не получивший посвящения в мастера. Хозяин мастерской давал ему половину платы (*ним симикор*) полноправного халифа. Нимкор, появление которого прослежено также в ремесленных центрах Ферганы и в Бухаре, напоминает подмастерья ремесленных цехов Западной Европы. В более ранний период, в частности в XV—XVI вв., подмастерья в структуре ремесленных корпораций Средней Азии не было¹⁸.

Сохранили свою действенность и феодальную сущность такие связанные с цехами институты, как *бунак* — ссуда, получаемая халифа при поступлении на работу от владельца мастерской, и *манъи бозор* — «запрет базара» — обет, принимаемый халифа для погашения долга хо-

¹⁶ М. Ф. Гаврилов, О ремесленных цехах Средней Азии и их статутах — рисола, Ташкент, 1928, стр. 229.

¹⁷ См. Н. А. Кисляков, Патриархально-феодалные отношения среди оседлого сельского населения Бухарского ханства в конце XIX — начале XX в., М.—Л., 1962, стр. 142; Б. И. Искандаров, Восточная Бухара и Памир в период присоединения Средней Азии к России, Душанбе, 1960, стр. 130.

¹⁸ А. М. Беленицкий, Организация ремесла в Самарканде в XV—XVI в., стр. 46.

зьяину. Вместе с тем ремесленные корпорации в период позднего феодализма, в связи с зарождением капиталистических отношений, начали вырождаться. Вырождение затронуло как внутреннее, так и внешнее, устройство ремесленных цехов.

Собранный нами материал показывает следующие явления, отражающие разложение цехового строя. Во-первых, в связи с дальнейшим ростом и углублением социальной дифференциации среди ремесленников появились новые прослойки: предприниматель — капиталист (крупный устокор), не принимавший личного участия в производстве, и наемный работник — халифа, лишенный средств производства и вынужденный всю жизнь работать на устокоров. Это привело к тому, что основной фигурой в ремесленном производстве становился не самостоятельный мелкий хозяин — ремесленник, а халифа.

Во-вторых, исчезал свойственный периоду средневековья порядок, согласно которому каждый промысел и отрасль ремесла составляли отдельную самостоятельную корпорацию со своей администрацией. Реликтом этого явления может служить рисола — своеобразный устав среднеазиатских ремесленников, которым обладал каждый промысел. Торговые ряды ремесленников различных специальностей, существовавшие в начале XX в. на рынках городов Средней Азии, по-видимому также являются следствием былого деления ремесленников на отдельные цехи. В исследуемый период в Ходженте и его ткацких пригородных селениях в одну корпорацию объединялись уже ремесленники многих специальностей, обрабатывавшие волокно: шелкомотальщики, крутильщики, сновальщики, красильщики, аврбанды — перевязчики основы, вязчики ремиз и гребней для берда, а также ткачи всех специальностей. Здесь из всех ремесленников, производивших те или иные операции по выработке тканей, выделились в особые цехи только лошильщики, набойщики и белильщики бумажных тканей. В Бухаре ремесленники-текстильщики объединялись в несколько отдельных корпораций¹⁹.

В-третьих, разложение и дальнейшее развитие текстильных ремесленных цехов проявлялось в том, что корпораций, объединявших ремесленников-текстильщиков разных специальностей, в Ходженте этого периода было две. Ремесленники в них объединялись по территориальному признаку: все ремесленники, связанные с производством тканей, жившие в части Калъаи нав и пригородных селениях Пули чукур, Румон, Шайх-Бурхон, составляли одну корпорацию, а ремесленники-текстильщики части Разока и с. Ява входили в другую. Каждая из них имела свою цеховую администрацию. Это явление, т. е. совпадение цеха с частью города и пригородов, свойственно эпохе зарождения и развития мануфактуры и означает вырождение цеха. Оценивая аналогичное явление в жизни цехов России, Б. А. Рыбаков писал: «к этому времени (т. е. ко времени зарождения мануфактуры.— Н. Т.) понятие цеха сливается с понятием городского района; территориальный признак... становится решающим»²⁰. Этот этап в развитии цеха в корне отличается от раннего этапа в развитии цехов, когда, по словам И. М. Кулишера, «каждая специальность представляла собой как бы самостоятельную общину»²¹. Каждый квартал или «послок ремесленников» являлся

¹⁹ О. А. Сухарева, Позднефеодальный город Бухара конца XIX — начала XX в., стр. 76, 79, 84—85. Если прав М. В. Никулин, то, как показывают его сведения в Маргелане начала XX в. ткачи-шелковики по виду производимой ткани делились на три цеха: *шохибофи* — ткачи канауса, *дорибофи* — ткачи тонких шелковых платков, *парчабофи* — ткачи полшелковых материй. Ткачи бумажных материй делились на два цеха: *алочабофи* и *хосабофи*. См. М. В. Никулин, Из кооперативной жизни Ферганы, газ. «Ферганские областные ведомости», 1916, № 22.

²⁰ Б. А. Рыбаков, Указ. раб., стр. 739.

²¹ И. М. Кулишер, История экономического быта Западной Европы, т. I, М.—Л., 1926, стр. 129.

«территориальной общиной со своей юрисдикцией», своей выборной администрацией»²².

В-четвертых, в изучаемый период в связи с развитием в ткацкой промышленности капиталистических отношений начался постепенный упадок ремесленных культов и верований, что было выражением упадка феодального цеха. По рассказам наших информаторов, большинство ремесленников в это время перестало соблюдать правила, которые подписывались рисола. Ослабление влияния идей рисола и религиозных представлений отмечалось в свое время русскими исследователями. Так, супруги Наливкины в 1886 г. писали: «...рисоля в загоне и ее не всегда даже можно раздобыть»²³, а спустя 25 лет М. Ф. Гаврилов в 1912 г. отмечал: «...рисола в настоящее время потеряла почти всякое значение в глазах сартовских ремесленников»²⁴.

Сложение в ремесле капиталистической мануфактуры не только разлагало старую систему ремесленных цехов, но и способствовало изменению производственных отношений. Происходили перемены в положении членов цеха и в первую очередь у рядовых наемных мастеров — халифа. Раньше, до конца XIX в., халифа занимал положение работника, который после получения разрешительной молитвы (фотиха) и прохождения обряда посвящения в мастера (*камарбаста*) мог стать самостоятельным мастером и обзавестись своей мастерской, т. е. халифа в феодальной мастерской занимал переходное положение между учеником (шогирд) и мастером (усто), резко классового различия между халифа и мелким хозяином-ремесленником не было и не могло быть. Они входили в одну социальную группу и своими интересами противостояли эксплуататорским классам феодального общества.

Но в начале XX в. халифа, работающий по найму на предприятии, постоянно находящийся в нужде и эксплуатируемый предпринимателем, не мог уже стоять с ним в одном ряду. Капиталист-устокор Ходжента, владевший текстильным предприятием, в котором было до 150 наемных работников и стремящийся к обогащению, своими интересами противостоял монополии цехов на производство и сбыт изделий.

На крупном ходжентском ткацком предприятии исчезли и многие патриархальные черты, присущие системе феодального ученичества. Как и в Бухаре, ученика в крупной мастерской обучал теперь не ее хозяин, который и не знал ремесла, а один из наемных мастеров. Но, в отличие от Бухары, в Ходженте ученик не должен был вознаграждать учителя за обучение принятием на себя части его бунака. В начале XX в. постепенно стал исчезать обряд посвящения — *камарбаста*, связанный с большими расходами.

В Ходженте начали вырождаться институты *бунака* — возвратной ссуды и *одамигй* — безвозвратной ссуды. Если раньше халифа, получивший бунак, был обязан возвратить его одновременно при уходе на другую работу, что его особенно закабаляло, то теперь за халифа признавалось право погашать долг постепенно и, таким образом, постепенно освобождаться от кабалы. Иной характер в Ходженте приобрел и институт *одамигй* — безвозвратной ссуды. В Бухаре халифа, уходя раньше договоренного срока, был обязан возвратить полностью сумму одамигй. В Ходженте получение одамигй не обязывало халифа оставаться у устокора и служило лишь для возбуждения интереса халифа к труду. Здесь одамигй по существу был условным даром.

Из всего сказанного можно сделать следующие выводы. Среднеазиатские ремесленные цехи хотя и не приобрели той классической формы, которой достигли корпорации у ремесленников Западной Европы, тем

²² Б. А. Рыбаков, Указ. раб., стр. 737.

²³ В. П. Наливкин и М. В. Наливкина, Очерк быта женщины оседлого туземного населения Ферганы, Казань, 1886, стр. 18.

²⁴ М. Ф. Гаврилов, Рисоля сартовских ремесленников, Ташкент, 1912, стр. 11.

не менее играли в жизни среднеазиатских ремесленников тождественную роль. Феодалные ремесленные цехи, которые К. Маркс и Ф. Энгельс рассматривали как своеобразную общину ремесленников²⁵, должны были содействовать развитию ремесленного производства — единственного вида промышленности эпохи феодализма. Пройдя длительный исторический путь развития, ремесленные цехи Средней Азии и в конце XIX — начале XX в. сохранили свою жизнеспособность. Ремесленные корпорации в этот период еще были способны развиваться. Они как бы догоняли цехи Европы.

Внутренние правила ремесленных корпораций Средней Азии в конце XIX — начале XX в. были направлены на сохранение формального равноправия их членов, устранение конкуренции, сохранение монополии цехов на производство и сбыт изделий. Для этого устанавливались единые для всех членов цеха цены на выполнение заказов, вводились запретительные правила, не допускавшие посторонних лиц к занятию этим ремеслом. Ограничительными мерами цех сдерживал применение технических новшеств. Старые цеховые порядки были направлены к тому, чтобы не допустить обогащения одних за счет разорения других членов корпорации. В изучаемый период все это пришло в резкое противоречие с новыми явлениями в ремесле. Ремесленные цехи, являющиеся социальной организацией феодальной промышленности, сложившейся в эпоху безраздельного господства феодальных отношений, в период позднего феодализма стали тормозом и препятствием на пути зарождения и развития в ремесленном производстве капиталистических отношений. Последние должны были приравниваться к традиционным правилам или обходить их.

Это было причиной постепенного вырождения ремесленных корпораций Средней Азии. Изменения прежде всего коснулись системы производственных отношений внутри цехов: происходил дальнейший рост трехчленной системы производства и выделилась четвертая фигура — *нимкор*, тождественная подмастерью цехов Западной Европы. Это явление углубляло процесс социальной дифференциации внутри цехов. С зарождением капитализма в ремесле вместо традиционного самостоятельного цехового мастера возникали в конечном итоге две социальные прослойки: предприниматели-капиталисты и наемные работники. Выделившись из среды цеховых мастеров, купцов, скупщиков, крупные предприниматели-устокоры привлекали к работе на своих капиталистически организованных предприятиях бывших сотоварищей по корпорации. Между рядовым наемным мастером и капиталистом-устокором возникла пропасть. Наемные мастера-халифа и предприниматели-устокоры конца XIX — начала XX в. в развитых отраслях ремесленной промышленности, и в первую очередь в текстильном производстве, были теми социальными прослойками, из которых формировались классы национального промышленного пролетариата и буржуазии.

Все изложенное показывает, что текстильная промышленность Ходжента и его ткацких пригородных селений в конце XIX — начале XX в. вступила в мануфактурную стадию развития капитализма в промышленности.

Однако существование ремесленных корпораций является свидетельством того, что и в исследуемый период ремесленная промышленность сохранила феодальный характер. Только крупная машинная индустрия была способна навсегда уничтожить всякие остатки цеховых и средневековых пережитков. Но текстильная ремесленная промышленность Ходжента, как и вся дореволюционная ремесленная промышленность Средней Азии, вплоть до Великой Октябрьской социалистической революции еще не достигла этой стадии развития капитализма.

²⁵ См. К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. 3, стр. 51.